

Анатолий Курчаткин

НОВАЯ

ДИВНАЯ

ЖИЗНЬ

/АМАЗОНКА/

Анатолий Курчаткин

Новая дивная жизнь (Амазонка)

«Автор»

2017

Курчаткин А.

Новая дивная жизнь (Амазонка) / А. Курчаткин — «Автор»,
2017

ISBN 5-7784-0220-1

Перевернувшийся в августе 1991 года социальный уклад российской жизни, казалось многим молодым людям, отменяет и бытовавшие прежде нормы человеческих отношений, сами законы существования человека в социуме. Разом изменились представления о том, что такое свобода, честь, достоинство, любовь. Новой абсолютной ценностью жизни сделались деньги. Героине романа «Новая дивная жизнь» (название – аллюзия на известный роман Олдоса Хаксли «О новый дивный мир!»), издававшегося прежде под названием «Амазонка», досталось пройти через многие обольщения наставшего времени, выпало в полной мере испытать на себе все его заблуждения. Молодая, привлекательная, хорошо образованная и умная женщина, она хочет воплотить в своей судьбе ту «картинку» жизни, что незримо нарисована в воздухе времени кистью благих мечтаний, но реальная жизнь оказывается куда как далека от этой картинки. Роман «Новая дивная жизнь» – это художественно выверенная, ярко и беспощадно рассказанная история 90-х гг., завораживающий портрет эпохи первых лет постсоветской России.

ISBN 5-7784-0220-1

© Курчаткин А., 2017

© Автор, 2017

Анатолий Курчаткин

Новая дивная жизнь (Амазонка)

© А. Курчаткин 2017

* * *

1

Ей всегда, с самого детства, нравились мужчины с чисто вымытыми ушами. Чтобы внутренний завиток раковины, свивавшейся в тьму слухового отверстия, глянцево блеснул, розово-нежно светился перламутром выстилавшей его эпидермы – чтобы с первого взгляда было бы ясно, что над ними хорошо поработали шампунем, тщательно смыли, многократно прополоскали водой, насухо вытерли тонким, позволявшим мизинцу глубоко проникать внутрь слухового отверстия, полотняным полотенцем. Она всегда смотрела у мужчины прежде всего на уши. И он мог понравиться ей, если только уши у него отвечали ее идеалу. Так было тогда, когда еще не воспринимала мужчин в их мужской самости, так осталось и после, когда выросла.

Маргарита Т. родилась и выросла, как сказали бы в прошлом веке о дворянской, в обедневшей интеллигентской семье. Дед ее был сталинским профессором, специалистом по электроприводу, что в свою пору давало бабке возможность нигде не работать, а заниматься собой и дочерью, матерью Маргариты. Однако уже мать Маргариты, проведя несколько лет в браке с артистом оперетты, потом художником-абстракционистом и наконец, выпускником Литинститута, поэтом и драматургом, которого никто не печатал и не ставил, вынуждена была всю жизнь тащить суровую лямку редактора в техническом издательстве, куда ее в свое время, пользуясь своим положением, устроил отец-профессор. Отцом Маргариты был второй муж матери, художник-абстракционист. Маргарита впервые увидела его в четырнадцать лет. Расходясь с ним и выходя замуж за поэта-драматурга, мать заставила отца подписать бумаги об отказе от отцовства, отцом Маргариты официально стал новый муж матери, и так как все это происходило в ту пору, от которой в памяти Маргариты ничего не осталось, она долго считала своим отцом сумрачного бородатого человека, не проявлявшего к ней ни малейшего интереса и лишившего их с матерью после развода просторной дедовой квартиры, которую пришлось разменять на две. Мать решила больше не выходить замуж, они стали жить вдвоем, Маргарита закончила с отличием школу, поступила как медалистка на филфак МГУ, отделение русской филологии, и защитила диплом на следующий год после троллейбусной революции (три дня которой провела, естественно, на площади перед Белым домом), в самый разгар начавшихся в стране рыночных реформ.

Ее молодой человек, учившийся курсом младше на юридическом факультете, бросил университет в начале весны, весь уйдя в бизнес, занимавший у него теперь все время, убеждал плюнуть на диплом и ее, потому что диплом отныне не будет нужен никому, но в такой бред она не могла поверить и, как ни трудно было с деньгами, как мать ни рыдала, отправляясь всякую новую неделю с какой-нибудь очередной серебряной табакеркой, оставшейся от деда-профессора, в ломбард, все же дотянула оставшиеся месяцы. Что было хорошо – теперь никуда не распределяли, как еще делалось в прошлом году, не могли послать ни в какую тмутаракань. Были, правда, запросы, но все из школ и из школ; идти в школу, когда можно не идти?! Маргарита попросила свободный диплом. Ее молодой человек одобрил решение,

которое она приняла. Пойдешь в бизнес, сказал он, будешь вместе со мной педали крутить, у хорошеньких женщин, знаешь, как бизнес идет? Как, спросила она. Офуенно, ответил он.

Маргариту внутренне передернуло от его ответа. Но она не позволила себе никакого замечания. Это было бессмысленно. Ее любовник, с тех пор, как круто занялся бизнесом, все чаще стал выдавать такое. И она стала уже привыкать ко всему этому в нем. Его звали Атлантом, так его нарекли искусствоведы родители при рождении, и ей это ужасно нравилось. Впрочем, конечно, он нравился ей не только из-за имени. Вообще нравился. И как держал себя – с холодным, чуть высокомерным достоинством, как говорил – с тем же спокойным, выдержанным достоинством, и это же спокойное, уверенное достоинство было во взгляде, каким смотрел. Уши у него, само собой разумеется, всегда были хорошо, чисто вымыты. При любых обстоятельствах.

2

– Ну ты что, ты думаешь, я бы тебя посылал, если б не был уверен, что он возьмет? – сказал Атлант. – Да ни в жизнь!

– А если вдруг не возьмет? Если вдруг? Что тогда?

– Если и не возьмет! – воскликнул Атлант. – Что тебе, если вдруг не возьмет? Повернешься и пойдешь.

– Да, а стыдно как, – сказала Маргарита. – Я сквозь землю провалюсь.

– Сквозь землю она провалится! – Атлант похмыкал. – Брось эти интеллигентские комплексы. Возьмет он, как миленький возьмет, лишь бы ему мало не показалось. Все они берут, берут и еще просят!

Маргарита замахала руками:

– Нет, нет, нет! Я не могу. Я не умею. Еще он в милицию заявит – и меня посадят. Ты хочешь, чтоб меня посадили?

– Какого хрена! – Атлант взорвался. – Не возьмет! Посадят!.. Ты думаешь, что, бизнесом заниматься – это образ Татьяны Лариной с Евгением Онегиным проходить? – Он резким движением выдвинул ящик стола, вытащил оттуда и протянул ей толстую пачку двадцатидолларовых банкнот, в ней было, наверное, не меньше пяти тысяч. – Держи – и не ныкай. Не строй из себя Белоснежку! Дашь – и не хрена! Это он у меня может не взять, побоится. Завернет мне салазки с порога – я о деле и заикнуться не сумею. А ты женщина, да хорошенькая, ты к нему – со всем своим обаянием... да он у прекрасной дамы возьмет – не заметит как! Можно разве отказать прекрасной даме?

Маргарита почувствовала, что больше не в силах противиться напору Атланта. Он ломал ее, буквально ломал, и, чтоб не сломаться, следовало прогнуться. Не пропустить момента, сделать это чуть раньше, чем где-то внутри нее хрустнет.

Нет, но ты точно, если б не был уверен, что он возьмет, то не посылал бы? – только еще спросила она.

– Точно, точно, ё-мое, точно! – подтвердил ее любовник, ставший теперь ее старшим компаньоном, начальником, наставником – кем его можно было назвать еще? – Главное, чтоб ему, падле, мало не показалось!

Падла был зам. председателя исполкома. Он был не из бывших партийных бонз, а доцент технического вуза, пришедший во власть на прошлогодней волне демократизации, и когда они с Маргаритой оказались вдвоем, один на один, глядя в его экзаменующие преподавательские глаза, Маргарита поняла, что это не в ее воле – дать ему взятку, она не осилит себя, не вынет из сумочки толстую, перехваченную черной аптечной резинкой зеленую пачку. Если б она не услышала, ожидая в приемной своей очереди зайти к нему в кабинет, что он из бывших преподавателей...

– И почему вы считаете, что это здание должно принадлежать вам? – разоблачающе буравя ее своим преподавательским взглядом, спросил зам. председателя. – Почему вам? Обоснуйте!

Потом, когда она пересказывала Атланту их разговор с зам. председателя, в этом месте Атлант подпрыгнул на сиденье машины и громко ударил себя по ляжкам: «Вот, вот, он же тебе прямым текстом: «Давай на лапу!» «Обоснуйте»! Что еще?! Тут и нужно было обосновывать. Тут же!»

Возможно, ее любовник был прав. Но там, в кабинете Маргарита ничего этого не поняла. Она думала там только об одном: как бы залезть в сумочку и вытащить перехваченную резинкой пачку. Думала, как бы залезть, – а рука на коленях дрожала, не поднималась, и она понимала, что и не поднимется.

– И все же вы так мне и не обосновали, почему это здание должно принадлежать вам, – проговорил зам. председателя, беря со стола ручку и укладывая перед собой бумагу, принесенную Маргаритой, так, чтобы начертать в левом верхнем углу резолюцию. – Удивительно! Хотите, чтобы вам отдали целое здание, а обосновать должным образом почему – нет, никакого умения!

Губы его, когда он произносил это, строго, со значением поджимались, и все выражение лица было – недоуменная назидательность. Он был, видимо, лет сорока, сорока пяти – Маргарита не могла определить точно, – лысоват, с брюшком, в невыразительных, пластмассовой оправы очках на невыразительном, будто затерявшемся среди щек носу. Уши у него, подумалось ей, плохо вымытые.

Дура, идиотка, шваль, кричала она себе, пока шла от его стола к двери. Повернись, возвратись, отдай, стояло в ней приказом, – и не повернулась, не возвратилась, не отдала, дошла до двери, открыла ее и вышла из кабинета.

Но тут, когда вышла, оказалась в приемной и, наконец, взглянула на бумагу у себя в руках, выяснилось, что она получила, за чем ходила. Резолюция, начертанная на бумаге, наискось в левом углу, была абсолютно благожелательной. Сугубо. Исключавшей любые иные толкования, кроме положительного.

Она обомлела. Смотрела на заветные, такие неожиданные слова – и не верила тому, что читала. Перечитала раз, перечитала другой...

Атлант ждал ее в машине на улице. Она села к нему внутрь, он выхватил у нее из рук бумагу и жадно впился в добытый Маргаритой трофей. Впился – и впитывал в себя. Впитывал и впитывал.

– Я ж говорил тебе, все они берут! – победно воскликнул он затем, поворачиваясь к Маргарите. – Как оно, нормально прошло? С боевым крещением! Видишь, все нормально, и ничего не стыдно. А ты, дурочка, боялась!

– Даже юбка не помялась, – ответила Маргарита. И возбужденно хохотнула: – Только я ему ничего не давала. Он безо всего, просто так подписал.

Победная радость на лице ее любовника окаменела, Постояла на нем в таком окаменелом виде какое-то мгновение – и исчезла совсем.

– Это как это? – произнес он с нервным дребезжанием в голосе. – Не понял!

– Так это, – сказала она. – Я пока думала, как дать, он уже подписал.

О том, что не смогла бы дать деньги ни при каких обстоятельствах, Маргарита предпочла умолчать.

Атлант смотрел на нее с острым опасливым недоверием. На лице его теперь отчетливой печатью стояло то нервное дребезжанье, что прозвучало в голосе.

– Не может быть, – сказал он затем. – На хрен ему! С какого вдруг бодуна. Врешь!

– Боже мой, да что я вру! – воскликнула Маргарита. От выражения его лица ее собственное горячее возбуждение тоже исполнилось нервности. – Зачем мне врать, я не пойму?!

Вот, – распахнула она сумочку, выхватила из нее деньги и помахала пачкой в воздухе, – вот они все! Целые, нетронутые.

Атлант быстрым, жадным движением выхватил у нее пачку из рук, быстро, жадно оглядел ее, ковырнул большим пальцем, заглядывая внутрь, и с той же жадной быстротой засунул деньги к себе в карман.

– Твою мать! – вырвалось из него. Во взгляде, которым он смотрел на нее, Маргарита уловила ревнивое, соперническое чувство. – Что, ты ему пообещала свидание, да? Заинтересовал он тебя? Ничего мужик, вполне? Разобрало на него?

Маргарита не ожидала такого. Некая вина за то, что все вышло не по-намеченному, точила ее, не без того. Пусть вышло много лучше, как и не ожидалось, но *как не ожидалось*, и это рождало ощущение вины. Или нечто, похожее на вину. Однако обвинять ее в том, что получила подпись в обмен на обещание постели?!

– Ты с ума сошел, – медленно проговорила она. – Как ты смеешь. С какой стати? Откуда я знаю, почему он подписал? Я не знаю! Подписал и подписал! Надо было тогда самому идти, все было бы ясно!

Атланта проняло. Глаза у него заматались, прячась от ее взгляда, он отстранился от нее, отвалился на своем водительском сиденье, взялся за руль и несколько раз крутанул его туда-сюда внутри люфта.

– Ладно, ладно, ладно! – не глядя на нее, оторвал он руки от руля и потряс ими перед лицом. – Я сошел с ума, хорошо! Извини! Но что он хочет?! Что потребует? Ведь почему-то он подписал?!

Все же ее любовник был сыном искусствоведов. Он взял свои оскорбительные слова обратно, он извинился. Маргариту переполнило к нему жаркой, страстной благодарностью. Она обхватила Атланта руками, прижалась к его щеке и потерлась о нее.

– Ты же сам говорил, что у хорошеньких женщин бизнес идет... как? Как ты говорил, как? – терлась она о его щеку, заставляя его ответить.

– Офуенно, как, – через паузу отозвался Атлант.

В голосе его Маргарита услышала отчетливое, внятное ублаговторение.

3

Жизнь раскручивалась – будто смотрела про себя крутое кино. Как правильно сделала, что не пошла ни в какую школу. Как умно. Что бы там за жизнь была, в школе. Гнойное болото, не жизнь. И денег – чтоб только не протянуть ноги. Выживала бы, не жила – как в какой-нибудь ленинградской блокаде.

Так Маргарита иногда на себя и смотрела – будто со стороны. Отстраняясь от самой себя, расщепляя себя на ту, что была внутри, которая прежде ходила в университет, бегала на выставки художников-нонконформистов на Малой Грузинской, доставала и читала толстые литературные журналы с очередным запрещенным раньше романом, и ту, которой она была теперь снаружи: белкой, бешено мчавшейся в стремительно крутившемся колесе, и лапками все быстрее, быстрее, не дать себе отстать от колеса и не позволить ему замедлить свое стремительное вращение. А не отстраняясь, не расщепляя себя на ту и эту, можно было бы свихнуться. Крейзануться, слететь с болтов – самым натуральным образом.

Бизнес у Атланта шел – будто на реактивной тяге. Маргарита не вполне понимала, что это за бизнес. Сначала ей казалось, что это как-то связано со спортом, с теннисными кортами, их арендой, эксплуатацией, но потом вдруг выяснилось, что вся их контора – не что иное, как страховая компания, учредителями которой являются с десятков разных государственных предприятий, однако при этом они ничего не страховали, только все время вели бесконечные финансовые расчеты, а там неожиданно понадобились таблицы мировых цен

на металлы – медь, сталь, вольфрам, – после чего всплыли какой-то кирпичный завод под Москвой, мебельная фабрика, магазин галантереи.

Но то, что бизнес шел успешно, ясно было невооруженным глазом. Денег в запечатанном конверте, который Маргарита получала регулярно в начале каждого месяца, каждый же месяц становилось непременно больше. И деньги были приличные. И когда ходили с Атлантом в ресторан, он заказывал самые дорогие блюда, самые дорогие вина – швыряться не швырял, но тратился на полную катушку, жаться ему не приходилось. «В Альпы с тобой на горных лыжах кататься хочу поехать, – говорил он Маргарите. – Вжарить по склону, и на полкилометра вниз, а?! Восторг! – Глаза у него подергивались поволокой, мечтательно прищуривались. – Не могу только пока наше дело оставить. Ни на день!»

Он всегда в разговорах с Маргаритой, когда поминал о работе, подчеркивал, что это не только его, но их с Маргаритой общее дело. Маргарита не перечила. Она и сама так ощущала: их, общее.

Хотя в этом деле она занимала по иерархии далеко не первое место. Вокруг Атланта толкалась целая уйма народу, все с должностями директоров, генеральных директоров и вице-президентов, но она стояла ближе к нему, чем они все, она была почти им, одной сутью, они со своими громкими должностями появлялись и исчезали – как в небытие, как их и не было, – а она оставалась.

Впрочем, оставался неизменным еще один человек – такой Семен Арсеньевич. Лет тридцати восьми, тридцати девяти, худой, даже поджарый, но чувствовалось – сплошная мышца под одеждой, шилоглазый и малословный, бывший подполковник из органов, ставший гражданским вскоре после троллейбусной революции, которую Маргарита и творила, сидя у Белого дома. Надо полагать, тогда Семен Арсеньевич был с другой стороны баррикад. Но сейчас, говорил Атлант, он без Семена никуда. «Я без него – как дым без трубы, – говорил он. – Представляешь себе дым без трубы? Вот. Дым вьется – трубы и не замечаешь. А без трубы куда дыму идти? Может он вообще идти?»

Семен Арсеньевич держался в тени, вроде как в стороне от всех рабочих событий, не лез ни в какие громкие споры – напрочь, в общем, не вылезал на свет, но Маргарита его побаивалась. Не только потому, что Атлант сравнивал себя с дымом, а его с трубой, признавая тем самым как бы его главность, но ей, по всему поведению Семена Арсеньевича, казалось, задень ненароком бывшего подполковника так, что посчитает себя обиженным, ответит – будут соскребать тебя со стен ложкой.

Правда, Семен Арсеньевич, когда Атлант рассказал ему, что Маргарита вырвала у зам. predisполкома здание без копейки подмазки, проникся к ней особым, уважительным чувством, похожим на изумленное восхищение. «Нет слов, меня душат слезы», – говорил он, когда вдруг, по какому-то случаю вспоминался этот Маргаритин подвиг, – всякий раз неизменно одни и те же слова.

Вскоре, как получили здание и приступили к его ремонту, Маргарита поинтересовалась у Атланта, почему он не утаил от Семена Арсеньевича, что деньги остались целы? Почему она не утаила от него, Атланта, – это понятно. Но почему он? Змеиная мысль, что деньги могли пойти в их с Атлантом личный карман, нет-нет да точила ее.

– Себе дороже, – коротко ответил ей Атлант. И вдруг, через паузу неожиданно взвился – как полоснул острым бритвенным лезвием: – Хотела б, чтоб мне небо с овчинку стало? Чтобы жизнь – поперек горла?

Словно защищался от чего-то в себе. От страха? Того, который ощущала внутри при встречах с Семеном Арсеньевичем и сама Маргарита? Она не решилась уточнять это у Атланта.

Она в их конторе сделалась главным тараном, пробивавшем чиновные кабинеты. Это стало чем-то вроде ее специализации. Атлант с Семеном Арсеньевичем ставили задачу –

и она отправлялась решать ее. В ней вызрела наглая, не знающая ни малейших сомнений, какая-то расхлюстанная уверенность в себе, она шла и знала, что все у нее получится, – и у нее получалось. Не всегда так, как в тот, первый раз с зам. predisполкома. Даже далеко не всегда. Но она научилась давать взятки – будто платила в магазине за товар в кассу. Великолпно это у нее выходило. И великолепно выходило опускать зарвавшиеся кувшинные рыла: брали в десять раз меньше, а делали больше, чем хотели. «Нет слов, меня душат слезы!» – восклицал Семен Арсеньевич, узнавая об очередной победе Маргариты.

Она по-прежнему жила с матерью и не спешила уходить от нее. Атлант снимал квартиру в центре Москвы, на Садово-Кудринской, несколько раз настоятельно требовал от Маргариты перебраться к нему, но она находила способы, чтоб отказать. Ей еще хотелось побыть вольной птицей. Попорхать без оглядки. Не сковывать себя ничем. В Москве повсюду открывались ночные клубы, на улицах с каждым днем прибавлялось хорошо одетых мужчин, при взгляде на которых ее неизменно тянуло увидеть их уши.

У нее еще были годы в запасе. Куда было торопиться.

Хотя жить с матерью день ото дня становилось все муторнее. Издательство у матери с началом реформ просело, перестало выпускать книги, потом перестало выплачивать зарплату, а там мать оказалась и на улице. Без работы в неполные сорок девять и без пенсии. Несколько дней она лежала на диване и выла. А когда поднялась – это был другой человек. Та, прежняя, была вполне себе ничего, не стыдно никому признаться, что мать, а тут встала – старая облезлая гримзла, с глазами, как два обомшелых камня. Того, что она теперь зарабатывала продажей газет у метро, хватало б ей только на хлеб с чаем без сахара, и Маргарита сделалась главной кормилицей. Это наполняло ее гордостью и самодовольством, она невольно то по одному случаю, то по другому начала покрикивать на мать, небрежничать с нею, мать то и дело взвизывалась, пускалась в выяснение отношений, принималась качать свои родительские права, и это уже было совсем поперек горла.

Но все же Маргарита не уходила от матери. Она вовсе не была уверена, что Атлант – это та партия, которая достойна ее. Она теперь знала себе цену. Вернее, узнала ее. И не собиралась продешевить.

4

Ветер бил в лицо водяной сечкой, солнце, отражаясь от стеклянной глади водохранилища, слепило глаза. Нестись за ревушим впереди, взбивавшим кипящие белые буруны катером на туго колотящихся по этой стеклянной глади пластиковых плашках лыж было такое упоение – из груди рвался вопль восторга. Параллельным курсом, метрах в тридцати, резал воду Семен Арсеньевич. Его скрученное из мышц тело просило большего, чем простое движение, и он закладывал виражи, ходил галсами, приближаясь к Маргарите, словно бы собираясь подсесть ее. Наверное, длины фала не хватило бы, чтоб ему и в самом деле подойти к ней вплотную, но Маргарите делалось страшно, сердце останавливалось, дыхание перехватывало, и она визжала, отчаянно мотая головой, перекрикивая кипящий шелест воды под лыжами:

– Отверните! Не надо! Уйдите!

Семен Арсеньевич, потянув мгновение угрозу, довольно усмехался, отворачивал, выметнув из-под лыж прозрачный веер, и дыхание отпускало, сердце возвращалось на место.

Вдалеке, метрах в двухстах – трехстах, вознесши над стеклом водохранилища треугольники парусов, паслись яхты. Семен Арсеньевич иногда уходил туда, катер на бешеной скорости влек его между яхтами, и Семен Арсеньевич закладывал свои виражи уже там.

Катер, тащивший Маргариту, свернул к берегу, и ее, хотя она хотела еще и еще носиться по жидкой глади, бесцеремонно повлекло за ним. На берегу, расставив ноги, с руками на поясе, будто изготавляясь для утренней гимнастики, стоял ждал их причаливания Атлант. Наверное, по его приказу, отданному взмахом руки, катер и пошел к берегу.

Земля стремительно приближалась, мотор на катере смолк, скорость стала падать, рулевой крутанул руль, и катер начало разворачивать обратно в водохранилище, а Маргариту по инерции несло, несло к берегу, все медленнее, все тише, и, не дойдя до берега метров трех, она пошла ко дну. Но здесь уже было меньше, чем по пояс, она успела только раз взвизгнуть – и уже стояла.

– Давай-давай, – помахал ей с берега Атлант и полез в воду, – хорош! Иди составь Наташке компанию, а то она засохла тут без тебя!

– Атлантик, ну милый! – умоляюще заприговаривала Маргарита. – Ну, еще пять минут, ну ты что такой жадный!

– Давай-давай, уступи. – Атлант был неумолим. – А то Арсеньич сейчас выкатит на сушу, я с ним и не пофинтлю. Надо показать класс! – Он отнял у нее рукоятку фала и наступил под водой на лыжи, чтобы она выбралась из них. – Посиди с Наташкой, потрепись, что тебе, не о чем с ней потрепаться?

О, напротив, Маргарите было о чем потрепаться с Натальей. Они не виделись хорошенько несколько месяцев. Наталья тоже взяла себе свободный диплом, решив не идти в школу, но в отличие от Маргариты места нормально приткнуться у нее не нашлось, и она в конце концов занялась торговлей – мотаясь в Польшу и привозя оттуда всякое шмотье. Увидеться за минувший год удалось считанное число раз, и все на бегу, даже по телефону не получалось поговорить всласть, а неделю назад Наталья появилась у нее дома и объявила, что завязывает с Польшей, невыносимо больше челночить, не работа, а Сизифов труд, хотя, конечно, и дает деньги. Во всяком случае, учиться в МГУ, чтобы ворочать мешки с барахлом и строить глазки обиралам с таможни, – совсем было не обязательно. Даже наоборот: лучше бы не учиться. «Слушай, я созрела для того, чтобы продаться, – сказала она. – Что там Маркс с Энгельсом писали, мы еще проходили по философии: что брак в буржуазном обществе – это купля-продажа? Вот, я согласна, раз у нас теперь буржуазное общество.» Подходящей кандидатуры, чтобы Наталье продаться, у Маргариты не имелось, но они решили, что ей следует вести светский образ жизни, бывать где только можно, на всех тусовках, где появляются солидные люди, как можно больше общаться, знакомиться, и для начала Маргарита позвала ее поехать с собой кататься на водных лыжах. Кроме Атланта с Семеном Арсеньевичем, ехали еще какие-то двое, так просто, какую-нибудь голь Атлант с Арсеньичем в компанию с собой не брали, а значит, эти двое вполне могли быть людьми, достойными Натальиного внимания. Даже не обязательно в смысле продажи именно им. Тем более что они ехали со своими пассиями. Как, кстати, и Семен Арсеньевич, хотя имел и жену, и детей. Достойны внимания – в смысле знакомства. Главное – обзаводиться солидными знакомствами, расширять их круг, одно знакомство повлечет за собой другое, то третье...

Катер взревел мотором и медленно двинулся, натягивая фал. Атлант сильным, мощным движением выжал себя из воды, катер ускорил ход, и под ногами у Атланта выросли белые пенные крылья, – его понесло.

Наталья от расставленного поодаль на траве раскладного стола помахала Маргарите рукой:

– Эй! Ты другой цветок, не подсолнух, а Атлант твой не солнце, чтоб так за ним головой крутить!

Она изо всей силы демонстрировала полное душевное благополучие и безмятежность. Словно бы все в пикнике было ей в радость и удовольствие, словно бы получала от каждого мгновения неопишное наслаждение.

На самом же деле – Маргарита видела, знала она подругу – ее так и корежило. Контакта, которого бы ей хотелось, ни с кем из мужчин у Натальи не получилось. Атлант с Семеном Арсеньевичем, естественно, в счет не шли, а те двое были усиленно заняты своими пассиями. Пассии же, в свою очередь, оказались молодыми дурными телками только что после школы, ошалевшими от новой, открывшейся им жизни, балдели и хмелели от нее, пили ее, распахнув пасть до ушей, – с ними даже не о чем было перемолвиться словом. Едва ли бы они поняли смысл Натальиных слов про цветок, сказанных Маргарите, – если б слышали их. Но они и не слышали. Сейчас они со своими молодцами, все вчетвером, пока не настала их очередь на лыжах, набились, несмотря на жару, в одну из машин, опустили там сиденья и сидели дулись в карты. Та, которая приехала с Семеном Арсеньевичем, лежала на траве почти у самой воды, подставив себя солнцу, она-то наверняка слышала Наталью и, надо полагать, все поняла, но не шелохнулась и даже не открывала глаз – как лежала, так и лежала, с замкнутыми, будто на замок, веками. Она была тертая штучка, не то что эти оглашенные, но уже на излете товарного вида, слишком зрелая, еще чуть-чуть – и можно будет добавлять приставку «пере», по ней было видно, что она с Семеном Арсеньевичем не просто так, не удовольствия ради, а в надежде схряпать его, выволочь из семейного гнезда и свить с ним свое, – и потому держала круговую оборону, опасаясь соперничества со всех сторон, высокомерничала – не подступись к ней, и задай вопрос – не отвечала, а буркала что-то нечленораздельное.

Маргарита подошла к Наталье и бросилась на раскладной стул рядом, отвалилась на спинку:

– Знаешь, ноги дрожат, еле иду, а гоняла бы и гоняла. Прямо как наркотик какой-то!

– Я бы, чувствую, кто б мне дал, села бы на какие-нибудь колеса, – сказала Наталья. – Никакой радости жизни! – Она потянулась со своего стула, взяла со столика оставленный Маргаритой недопитым ее пластмассовый стаканчик с соком, дала Маргарите, взяла свой и, приподняв, приглашая присоединиться, отхлебнула. – Я, признаюсь тебе, за этот год поняла амазонок. Женщины – совсем другая цивилизация. Нам нужно жить от мужчин отдельно. Мы среди них, как марсиане. Или венерианцы. А они принуждают нас быть землянами. Нужно нам это?

Маргарита, посмеиваясь, посмотрела на подругу из-под донышка стаканчика с соком.

– Ты марсианка? А я всегда думала, марсиане зелененькие и с большими ушами. Как у зайцев.

– Нет, марсианка ты. А я венерианка, – передразнив Маргариту – тоже посмотрев на нее из-под донышка стакана, – отозвалась Наталья. – Что в любом случае причисляет нас к немужской цивилизации.

– Почему-то амазонки не выжили, – сказала Маргарита. – Не сумели. А раз не сумели, что же нам теперь остается? Жить по законам мужской цивилизации.

– Не хочу, Ритка, не хочу! – шепотом завопила Наталья. – Пошла она, их поганая цивилизация!.. Почему я должна жить по их поганым законам?

– А ты знаешь, по каким законам жили амазонки? – по-прежнему посмеиваясь, спросила Маргарита.

Как оно все произошло там, на воде, занятые своим разговором об амазонках, они не увидели. Они просто не смотрели туда. Да если бы и смотрели, едва ли б смогли что-то понять. До места происшествия было далеко, метров триста. Все потом пришлось восстанавливать из обрывчатых рассказов Атланта с Семеном Арсеньевичем.

Атлант решил посоперничать со своим компаньоном. Он тоже решил поноситься среди яхт, качая их на волне от катера и ловко лавируя между их легкими лакированными скорлупками.

Делать это Атланту не следовало. Не с его мастерством было гнаться за Семеном Арсеньевичем. На очередном вираже его занесло, он еле удержался на ногах, едва не врезался в «летучий голландец», оказавшийся на пути, сумел отвернуть, но из-под лыж выбросило целый фонтан и окатило висевшего над водой за бортом матроса «голландца». Тот от неожиданности инстинктивным движением выпустил линь, переложил парус на другой борт, а следом вынужден был пеореметнуться сам. Яхта рыскнула, рулевой не сумел отвернуть, и ее на полном ходу внесло в другой «голландец», шедший параллельным курсом. От удара рулевого подняло со своего места и швырнуло на сидевшего внизу, спиной к палубе, пассажира.

В этом пассажире и было все дело. Ему, по всем правилам безопасности, не полагалось там находиться, ни в коем случае. Ему, третьему, вообще не полагалось находиться на такой крохотке, как «летучий голландец». Только матрос на парусе и рулевой, все. И тем не менее он там был. Сидел на дне, спиной к поперечному ребру палубы, от толчка его откатнуло к корме, бросило обратно на палубный брус, и рухнувший на него рулевой многократно усилил удар. Раздавшийся вопль, казалось после Маргарите, было слышно даже на суше. Едва ли они с Натальей слышали его, но после так казалось: слышали. И только, не поняв, что это такое, не обратили на него внимания.

Пассажиру, как стало известно позднее, ударом вышибло межпозвоночные диски. Сместило позвонки и защемило нервные окончания. Боль, видимо, была такой, что через мгновение своего крика он уже сорвал голос и мог только сипеть.

Но самое главное, он оказался *братком*, – Маргарита впервые тогда услышала это слово. Братками были и его товарищи по яхте, и еще несколько яхт, романтично и целомудренно белевших на обоюдно голубой глади воды и неба, тоже оказались набиты братками.

Катера, катавшие Атланта с Семеном Арсеньевичем, остановились по данному им приказу беспрекословно. Атлант с Семеном Арсеньевичем поплыли было к берегу, но, получивши по голове веслом, тоже предпочли подчиниться. Их затащили на одну из яхт, что побольше, и первым делом хорошо отмочалили, – когда Маргарита увидела их, глаза у обоих уже заплывали, превращаясь в щелки, из разбитых носов обильно хлестало, и у Атланта еще разбиты губы, а у Семена Арсеньевича – обе брови.

Что сказал браткам на яхте Семен Арсеньевич, как договорился, чтоб отпустили, Маргарита не поняла. Но именно договорился – она это услышала точно. Атлант сидел на складном стуле, выбросив вперед ноги и завалившись на спинку, она промывала ему своими духами «Гучи» раны на губах, и он промычал, поворачивая голову в сторону Семена Арсеньевича на соседнем стуле: «Ты молодец, Арсеньич, я восхищен. Пара слов – и полный порядок. Так договориться!» «На то и хлеб жуем, – ответил Семен Арсеньевич. Над ним усердствовала, ставила ему на брови заклейки из лейкопластыря его тертая. – В таких случаях карты на стол вверх лицом без промедления и полная капитуляция. А то бы живыми от них не выползли.» «Нет, ты молодец, ты молодец, – снова промычал Атлант. – Я тебе благодарен – бесконечно. Обязан по гроб жизни. Всей жизнью обязан.» Семен Арсеньевич на соседнем стуле помолчал. Маргарита почувствовала смысл его молчания: он как бы говорил им: «Запомни, что сказал!» «Чего нам все это будет стоить, – произнес затем Семен Арсеньевич вслух. – Вот что важно. Главное, чтоб бизнес не забрали. Все, что угодно, но чтоб не это. На войну с ними мои не пойдут. Слишком круто. Понял?

Маргарита решила вмешаться. Все-таки она тоже была в бизнесе, и ей должно было вникать во все детали.

– Какие это «ваши», Семен Арсеньич? И что значит «на войну»?

Семен Арсеньевич не ответил. Маргарита взглянула на него, – он сидел с таким выражением лица, словно она ничего не спрашивала, а он, соответственно, ничего не слышал.

– Семен Арсеньич! – потербила она его.

– Не приставай! Не лезь! Не твоё дело! – с неожиданной грубостью, окриком ответил вместо Семена Арсеньевича Атлант. – Дело керосином пахнет, не лезь!

Теперь Семен Арсеньевич отозвался:

– Напротив! Риточке даже очень нужно влезть в это дело. Она у нас главный специалист по переговорам. Кому, как не ей, и бразды в руки. Риточка, сядете со мной в машину сейчас? Поговорим. Обсудим кой-что.

– С удовольствием, – выразительно произнесла Маргарита. Она разозлилась на своего любовника: кричать на нее!

– Зачем это ей нужно? Ты что? – повернулся на стуле к Семену Арсеньевичу Атлант.

– Нужно, нужно, – подтвердил Семен Арсеньевич. – Ленка вот, – похлопал он по бедру свою третью, – сядет к тебе, а Рита со мной. Поговорим по дороге.

– Ну, а я куда, Рита? – спросила Наталья.

Она стояла все это время рядом и слушала.

– Нет, мы уж с Ритой вдвоем, – отказал ей Семен Арсеньевич. – А тебе, Наташенька, что, разве места не будет? Вон ребята складываются, – повел он рукой, – тоже возьмут! С удовольствием.

Те двое приглашенных в компанию паковали со своими пассиями сумки. Уезжали все, не оставался никто. Какой пикник, какой отдых после того, что случилось.

– О кей, – вынуждена была согласиться Наталья. – Поеду с первым, кто позовет. Мальчики! – крикнула она. – Кто меня берет в машину?

Вскинули приглашающе руки, оторвавшись от сумок, оба, но один – покрупнее, порыхлее, постарше и пострашнее, Вадик по имени, – чуть раньше.

– С Вадиком! – сияюще, будто награждая его собой, объявила Наталья.

5

Это был офис так офис, Маргарита еще не бывала в таких. Лаково-белая, выглядевшая воздушно-невесомой дверь оказалась бронированной металлической плитой, за нею сидел парнишка с расстегнутой кобурой на поясе, а из кобуры – вороненый затылок пистолетной рукоятки. И другая дверь, ведущая из тамбура внутрь, такая же воздушно-невесомая, только с окошечком на уровне глаз, тоже была – будто снятая с танка. Ворс полового настила в коридоре пружинил, словно ковер. И все вокруг было светло, чисто, высоко – потолки возносились на высоту не более трех метров, но ощущение возникало: потолок отсутствовал вообще. В воздухе веяло едва уловимым и вместе с тем совершенно отчетливым запахом каких-то цветов. Зал для переговоров был истинно залом – метров семьдесят, не меньше. Круглый, цвета слоновой кости стол посередине имел в диаметре метра четыре. За ним могло рассестись, наверное, человек двадцать. Их замечательный чистенький офис, устроенный в сарайном здании бывшего строительного участка, которое Маргарита так успешно вырвала у зампреда совета, в сравнении с этим роскошеством так и оставался сараем.

– Недурственно, господа, – вполголоса произнес Атлант. – Акценты расставлены в самом начале. Давят на психику.

– Нет слов, меня душат слезы, – тоже вполголоса отозвался Семен Арсеньевич.

Маргарита обескуражено продолжала оглядываться. Она так до конца и не понимала, куда они пришли и зачем. Семен Арсеньевич говорил сплошными невнятистями. И тогда, в машине, и сейчас, перед тем, как ехать. Почему они должны были идти объясняться к этому человеку, бывшему тезкой Семена Арсеньевича, но которого Семен Арсеньевич странным образом называл никак по-другому, как «дед Семен»? Почему слово этого «деда» должно было оказаться авторитетным для тех братков, одного из которых так нелепо покалечил Атлант? Почему братки должны были принять его решение словно некое заключение Вер-

ховного суда, не подлежащее пересмотру и обжалованию? Потому, потому, потому, раздраженно отвечал на все ее расспросы Семен Арсеньевич. И только дал установку: «На жалость не бей. Наоборот: блистай. Светись благополучием. Яви себя во всем великолепии. Чтобы видел: не фуфло какое приперло, солидные люди. Ну, прокололись, подзалетели, так с кем не бывает. Солидных людей нужно не топить, а поддержать!» «Вот, вот, именно так, слушай Арсеньича. Прими к руководству», – говорил Атлант. Сам он вообще ничего не объяснял Маргарите, переадресовывая ее с каждым вопросом к своему компаньону. «Слушай Арсеньича, слушай» – только повторял он.

Дверь в боковой стене зала открылась, и оттуда появились двое. Один был сер обличком, как только может быть сер пристебай по призванию – с серым холуйским лицом, серыми угодливыми глазами, хотя, может быть, от природы они у него были и карими, с серыми гладко причесанными волосами, и даже не поймешь, сколько лет, – настолько его возраст тонул в его сером обличье. Второй был полная противоположность ему. Вернее, пожалуй, его следовало бы назвать Первым, но у Маргариты так уж получилось, что она сначала отметила для себя поразительную мышью серость его пристебая, а потом уже взглянула и на него самого. Этот был Властителем. Не Властелином, не Повелителем, а Властителем, именно так. Безжалостный, беспощадный князь со дружиной, едущий выбивать дань с непокорных подданных. Она внутренне содрогнулась. И вот перед этим разыгрывать благополучие? Блистать? Великолепничать? Да он видит насквозь, перед ним как ни играй, все будет фальшь. Ему уже было порядком лет, наверное, около пятидесяти или больше, – точнее Маргарита определить не могла. В общем, не моложе ее матери. Но как разительно несхожи были они! Он являл собой само жизненное преуспевание. Широкое загорелое лицо схвачено жесткой, поседевшей наполовину, но по-модному коротко подстриженной бородой, подбритой, где должно, с идеальным тщанием, – сразу видна рука хорошего парикмахера. И рука того же, наверное, хорошего парикмахера была видна в стрижке – совсем свежей и ни единого торчащего волоска из общего ровного рисунка. Великоватое широкое брюшко идеально скрывалось просторным кремовым пиджаком, и стоимость этого пиджака, оценила Маргарита, такова, что ее любовник не посмел бы и помыслить, чтобы купить.

Но внутренность ушной раковины, заметила она, чистотой не блистала. Кажется, там был даже слюдянисто-коричневый след от серы, вытащенной из глубины слухового отверстия ваткой на спичке, а может быть, и мизинцем. Ее передернуло от безразличия.

И вместе с тем Маргарита чувствовала в себе то же странное онемение, что тогда, в кабинете того зампреда. Но тогда – потому что ощущала себя перед ним, как на экзамене, а почему сейчас? Из-за этой печати Властителя в обличье? Безжалостного, беспощадного князя со дружиной?

Наверное, дед Семен – это он и был.

Семен Арсеньевич, а следом за ним и Атлант, потоптавшись на месте, двинулись было навстречу вышедшей из двери паре, но человек с бородой не дал им приблизиться, махнул рукой, указывая на стол:

– Прошу.

Голос у него неожиданно оказался высокий и даже визгливый.

Стульев около стола – с широкими, резными, обитыми зеленым бархатом спинками – стояло десятка полтора, но все задвинуты под стол и выдвинуты лишь три с одной стороны и два с противоположной. Куда им садиться, ясно было без дополнительных объяснений.

Когда усаживался, поправлял стул под собой, бородатый неотрывно смотрел на Маргариту. Что ей было делать? Маргарита отвечала ему улыбкой, полной радостного благожелательства.

– Я бы сначала, Семен Игнатьевич, хотел попросить прощения, что потревожили вас... – начал Семен Арсеньевич.

Голос его был не похож на его голос. Это было что-то такое вкрадчивое, по-ветошному мягонькое, стелющееся, – Маргарита никогда не могла бы представить, что Семен Арсеньевич может заговорить подобным образом. А этот бородатый – значит, дед Семен, все верно.

Дед Семен не позволил Семену Арсеньевичу рассыпаться в извинениях.

– Ладно, прекратили, – пошевелил он пальцами, прерывая Семена Арсеньевича. – Это моя обязанность – всех выслушивать. Имейте только в виду, – теперь он приподнял руку над столом и наставил на Семена Арсеньевича указательный палец, – что на вашем месте уже сидели. Кого вы обидели. Правду, и только правду!

На ногу под столом со стороны Семена Арсеньевича Маргарите нажали. Это был знак. Она должна была броситься на амбразуру и прикрыть ее собой. Прямо сейчас. Ей не давалось на подготовку даже мгновения.

– Ой, Семен Игнатьевич, это вообще какое-то недоразумение! Это какой-то бред! Молодой человек, конечно, ударился, повредился... ужасное происшествие, мы глубоко сожалеем, скорбим... но ведь мы ни при чем! Наша вина лишь в том, что оказались там рядом. Я говорю «мы», хотя я сама была на берегу, но я все видела с берега, а кроме того, буквально за пять минут до того я сама там была на лыжах и под руку ребятам могла попасться я... Им нужно было выместить на ком-то свою злость... но что же вымещать, ведь это нечестно: они столкнулись, они покалечили своего товарища, а искать виноватого на стороне! Это и нечестно, и неблагородно... какие к нам претензии, это мы им претензии предъявлять можем: мы отдыхали, никому ничего дурного, никакого вреда – и вдруг на нас набрасываются, возводят напраслину... это мы от них компенсации можем требовать!

Маргарита говорила – и слышала, что не говорит, а верещит. Она включила себя на речь после знака Семена Арсеньевича, как механическую куклу – будто нажала в себе некую кнопку, – но механическая кукла и говорит механически, какое там обаяние, какие чары, кошачье мяуканье, а не соловьиная трель.

Но дед Семен при этом, видела она, слушал ее. Сидел, облокотясь, пощипывал пальцами бороду и смотрел на нее неотрывно, внимательно, с пристрастием. С пристрастием, она была уверена, что пристрастием. Только что скрывалось за ним? Она не понимала. И это пугало ее, сковывало еще больше.

– Ладно, – вновь пошевелив пальцами, прервал, наконец, дед Семен ее верещание. И оторвал взгляд от Маргариты, перевел на Семена Арсеньевича с Атлантом: – Хочу от мужиков услышать. Как оно, вы утверждаете, все было?

Маргарита замолчала на полуслове – с облегчением, которому, возникни такая необходимость, не смогла бы найти сравнения. Она будто вынырнула на поверхность воды и глотнула воздуха после того, как пробыла под водой нескончаемо долгое время и от нехватки кислорода у нее уже начали вылезать из орбит глаза.

Атлант с Семеном Арсеньевичем повторили рассказ Маргариты. Ничего другого они и не могли рассказать. Версия была выработана, детали отшлифованы – любой шаг за намеченные пределы исключался.

Пристебай пригнулся к своему хозяину и что-то быстро сказал ему. Дед Семен отстранил пристебая движением руки:

– Надо думать!

Посидел молча, поигрывая перед собой пальцами, и хлопнул по столу ладонью:

– Я должен подумать, пацаны. Всякое дело нужно сначала хорошенько обдумать. Так и это. Я сейчас поеду на дачу. Пусть кто-нибудь из вас поедет со мной. Побудет рядом. Я подумаю – и сообщу ему. Ну, давай, вот ты поедешь, – указал он на Маргариту легким движением подбородка, схваченного жесткой щетиной модной бороды.

Она? Маргарите показалось, ее снова в одно мгновение утянуло под воду, без единого глотка воздуха в легких, и глаза тут же начало выпучивать. Она думала, сейчас против ее

поездки запротестует Атлант, его поддержит Семен Арсеньевич – ведь это же немисливо, чтоб поехала она, почему она, зачем она? – но и тот, и другой ничего не произнесли, и де Семен удовлетворенно кивнул:

– Заметано.

– Нет, извините, почему я? – взглядывая на Атланта с Семеном Арсеньевичем, передернула плечами, попыталась непринужденно засмеяться Маргарита, но вышло все это с той же естественностью механической куклы.

Атлант ответом ей отвел глаза, упер в стол, а Семен Арсеньевич заговорил торопливо, и голос его, так же непохоже на его обычный голос, был по-ветошному, мягонько вкрадчив:

– Ну, Рита, Рита... Ну, ты же знаешь почему, ты же знаешь. Кто, как не ты. Кто кроме тебя... Ты же у нас главный переговорщик, это естественно, что ты...

– Ланчик! – умоляюще позвала Маргарита – так, как звала Атланта только в постели. – Ланчик!

Атлант взглянул на нее – глаза у него были мутные, невидящие, – и она прочла в них: «Заткнись со своим Ланчиком!»

– Нет, я не поеду. Отказываюсь, – решительно поднялась из-за стола Маргарита.

И тут прорезался тот, серый, до этого лишь прошептавший что-то на ухо хозяину:

– Сказано же: заметано! Какой еще базар может быть?!

В несовпадение с его обликом голос у него оказался колоритным, ярким: хриплое клотание надсаженных связок, – и по одному этому его голосу, лучше, чем из всяких слов, Маргарита поняла: у нее нет выбора. Если не поедет по своей воле, ее повезут насильно. И Атлант с Семеном Арсеньевичем еще станут помогать этим двоим заталкивать ее в машину.

И вместе с тем, противу того животного чувства, что вопило в ней ужасом под ложечкой, она не допускала мысли, что позвана на дачу помимо дела, из-за которого очутилась в этом офисе. И потому, когда уже сидела в машине – роскошном английском «Ровере» с правосторонним рулем, – одна на заднем сиденье, дед Семен – впереди рядом с водителем, когда уже машина плавно несла свое мускулистое акулье тело в потоке других машин на дороге, спросила с сухой деловитостью, лишь чуть, в самой малой дозе приправленной прельстительной женской игрой:

– Семен Игнатьевич! Мне бы хотелось добавить кое-какие детали к нашему рассказу. Может быть, они вам покажутся несущественными... но мне представляется, что они на самом деле очень важны.

Дед Семен повернулся к ней. Но не полностью, не всем лицом, а вполоборота, и на Маргариту оказалось наставлено его ухо. То самое, со слюдянистым серо-коричневым следом от чистки слухового отверстия.

– Ах ты, цветок мой, – проговорил он. Голос его показался сейчас Маргарите еще визгливей, чем там, в офисе. – Какие детали... Все от тебя зависит. Спасешь ты нас всех или нет.

– Простите? – произнесла Маргарита. По-прежнему противясь в себе тому знанию, что было в ней, мозжило под ложечкой *бездной*, не желая допустить его до себя, отталкивая его от себя изо всех сил. – Что я такое могу сделать?

Дед Семен доразвернул себя на сидении лицом к Маргарите. Грязное его ухо перестало глядеть на нее.

– Гуманитарка? – спросил он. – Не бухгалтерша какая-нибудь?

– Филфак МГУ, – ответила Маргарита.

– Я и вижу: гуманитарка. – Железную маску Властителя рассекла улыбка. – Люблю гуманитарок. Не то что все остальные. Умненькие. Терпеть не могу безмозглых куриц.

Маргарита не знала, как ей ответить на это.

– Офис у вас какой замечательный, – сказала она. – И машина какая... Судя по всему, дела у вас идут хорошо. Да?

– Ничего, – согласился дед Семен. – Руки сложа сидеть не нужно. И все будет ничего. Мы не сидели сложа руки.

– Кто «мы»? – спросила Маргарита. Хотя ей было совершенно все равно – кто.

– Кто? – переспросил дед Семен. Теперь маска Властителя раскололась ухмылкой. – Да много кто. Кто хотел себе состояние сделать. Такого года, как прошлая зима, больше не будет. Все состояния сделаны прошлой зимой. Кто не сделал, уже не сделает. И кто сейчас разорится, – маска Властителя вновь вернулась на его лицо и наглухо закрылась, – тот уже не поднимется. Такого фарта больше не будет.

– Семен Игнатьевич, ну зачем вы? – придала голосу кошачью ласковость Маргарита. Последние слова деда Семена прозвучали как угроза, и следовало их нейтрализовать, чтобы они не отложились у него в сознании. – Ведь вы совсем не такой, каким хотите себя показать. Вы тонкий, вы благородный, вы добрый!..

Дед Семен вдруг поднялся со своего места и полез между спинками сидений назад, к Маргарите. Пролез, свалился рядом с нею и властно, грубо притиснул к себе, второю рукой сжав грудь.

– Твою мать! – выговорил он сквозь зубы. – Гуманитарка!

У Маргариты от его объятия трещали кости, грудь было больно, перед глазами стояло его ухо со слюдянистой полоской серы.

– Пустите! Пустите! Да перестаньте же! – попыталась она освободиться от его рук.

Он позволил ей это.

Маргарита отлетела от него на сиденье к самой дверце, смотрела оттуда, ужас под ложечкой просвистывал ее насквозь, но сознание все так же отказывалось верить в реальность того, о чем говорил ужас. Машина жарила уже на выезде из города, впереди не было видно ни одного светофора.

– Не приближайтесь! – выставила перед собой руку Маргарита, уловив движение деда Семена снова податься к ней.

Он схватил ее руку и притянул к себе, принудив Маргариту едва не лечь на сиденье.

– Не заставляй меня, цветок мой, тебя бить. Не люблю спать с битой женщиной. Какой кайф от битой...

Убежать, как убежать, выло все в Маргарите.

Дача деда Семена оказалась едва не за самой кольцевой дорогой. Пересекли кольцо, поднырнув под мостом, повиляли немного по улицам поселка и остановились перед могучими железными воротами. Внутри, должно быть, их ждали – ворота раскрылись, и в распахнувшийся зев взгляду Маргариты предстала трехэтажная кирпичная крепость.

Маргарита рванулась открыть дверцу – дверца не открывалась. Она жала на ручку, била бедром, – бесполезно.

Машина тронулась и въехала внутрь, подкатила к крепостному крыльцу. В дверце что-то щелкнуло. Маргарита поняла: теперь она может выйти. Дверцы были заблокированы водителем, теперь он разблокировал их.

– Прибыли, цветок мой, – сказал дед Семен, распахнул дверцу со своей стороны и выбрался наружу.

Маргарита сидела и не могла двинуться.

Дед Семен обошел машину и открыл дверцу с ее стороны.

– Слушайте, – поднимая на него глаза, с трудом выговорила Маргарита, – у меня месячные...

Губы у деда Семена сжались.

– Я тебе уже говорил: не заставляй меня, чтоб я тебя бил!

– У меня месячные, – тупо повторила она. – Понимаете, что такое месячные? Я теку.

– Вот мы посмотрим, какие такие месячные, – наклонился он к ней, взял за плечи и вытащил из машины. Рука его ощупала ей ягодицы сквозь юбку, подняла юбку и забралась под нее. Маргарита была в колготках: деловая женщина, переговоры. Мясистая большая рука по-хозяйски оттянула ей резинку колготок, проникла под ту, проникла под резинку трусиков, и ягодицу обожгло горячее потное прикосновение. Рука помяла ей ягодицу, переместилась, помяла другую и, раздвинув ягодицы, полезла в промежность. Крупная ознобная дрожь пробежала по Маргарите с головы до ног, – ее сотрясло.

– Что, как тут у нас цветочек? – спросил над ухом стиснутый голос деда Семена. – Боится? Пусть боится! Получит. Он свое получит!

Маргарита стояла, не смея шелохнуться. Никогда в жизни не испытывала она большего унижения.

6

– Млядь, биздюк, пидар сраный! – Маргарита вываливала на Атланта весь свой запас слов, которым он обогатил ее за последний год. – Подлое ничтожество, сутенер, Иуда! Чтоб тебе быть импотентом неизлечимым!

Ее любовник стоял перед ней абсолютно молча, терпеливо смотрел на нее, не отводя глаз, – совершенно такой, как всегда, разве что на лице не было его обычного выражения спокойного выдержанного достоинства. Скорее, оно имело сейчас выражение уязвленного самолюбия. Которое вместе с тем он никоим образом не хотел проявлять.

– Специально меня потащил туда, вонючий подлец! Чтобы подложить меня, прикрыться мною, продать меня, как шалавую девку! – кричала Маргарита. – Мерзавец, подонок, грязная сволочь! На воровскую малину потащил меня, в притон!

Ее любовник нарушил молчание:

– Ну, какая малина, какой притон! Обыкновенный офис. Круче, правда, чем у некоторых.

– Мерзавец, мерзавец, мерзавец! – Маргарита влепила ему пощечину – одну, другую, третью.

Она это делала впервые. Никогда раньше не приходилось ей делать подобного. Не было нужды. И опыта не было. Но, оказывается, это давало такое горячее, такое лютное наслаждение! И она повторила серию:

– Мерзавец, тварь, мразь!

Теперь Атлант перехватил ее руки. И, держа их, не давая ей ударить его вновь, проговорил:

– А тебе что, внове так, что ли, было давать?

В голосе его прозвучало то самое уязвленное самолюбие, что читалось в выражении лица. Только к нему примешивалось еще и некое мстительное удовольствие.

– Что? – Она не поняла. – Подонок! Что ты говоришь?

– То, что! Ты что, этому зампредсовета не давала, что ли?

– Какому зампредсовета?! – Она не понимала. Подлец! Он же хотел еще и обвинить ее в чем-то!

– Тому. Который нам здание отдал. Он что, за просто так, вот так взял и отдал?

До нее дошло. Сукин сын, нашел способ обелить себя, сукин сын!

– Что ты мелешь? Что ты несешь?! – Ей, наконец, удалось вырвать у него свои руки. – Когда это я могла? Я к нему только зашла – и вышла, а ты меня ждал в машине!

– Я-то тебя ждал! – сказал Атлант. В голосе его звучало все то же мстительное удовольствие. – А ты вышла. А потом с ним перепихнулась. Через день-другой. Не так, нет?

Бешенство, владевшее Маргаритой, готово было потесниться, чтобы дать место рядом с собой изумлению.

– Так ты думал, подонок, мы получили здание через постель? Думал – но взял и еще звал меня замуж?

– Любовь зла... – проговорил ее любовник.

Он явно намеревался наградить ее уши и «козлом», – Маргарита не позволила ему этого:

– Врешь! Не думал ты такого! Опасался, но не думал! А вот сейчас только уверил себя, чтобы подлость свою прикрыть! Мразь!

Она снова замахнулась, чтобы дать ему еще пощечину, но Атлант вновь поймал ее руку:

– Хорош! Больше терпеть не буду! Иди отсюда к херам собачьим!

– Уйду, конечно. – Маргарита подумала, не плюнуть ли ему в лицо, раз не получилось с пощечиной, пусть даже ударит ее после этого, пусть, но плевков – это было слишком неэстетично, нет, она не была способна на плевков. – Уйду, не останусь. А ты знай про себя: ты не атлант, ты пигмей. Вместе со своим гебешным приятелем. Пидары сраные! – добавила она ему напоследок еще из их лексикона.

Замок, щеколда, другой замок – все в этой квартире, снимаемой ее, теперь уже бывшим, любовником, было знакомо, руки отщелкивали, оттягивали, поворачивали сами собой, без всякого вмешательства сознания, своей памятью, ждать лифта было невозможно, она покатила вниз по ступеням – и через минуту была уже на улице, в шуме и ярости Садового кольца. Так ей подумалось: «В шуме и ярости». Авессалом, Авессалом... Прощай, оружие, и Ночь нежна. Взгляни на дом свой, ангел... На кой дьявол нужно было все это читать. На кой дьявол все это нужно теперь. Этот подонок прав, трижды прав, десятижды прав: диплом отныне не нужен никому!

Неслись по Садовому, ревели стада машин, тяжелый запах выхлопных газов стоял вокруг, солнце уже село, только еще пламенели и полыхали жаркой золотой каймой кучевые облака на синеющем небе.

Наташка, окажись дома, взмолилась Маргарита, опуская жетон в прорезь таксофона.

Теперь бог был к ней милостив.

– Приезжай. Хватай машину и приезжай, – тотчас отозвалась Наталья.

Она сумела сколотить челночеством кое-какой капитал, снимала за сотню долларов однокомнатную квартирку на окраине, и поехать к ней сейчас, не заявляться на глаза матери – это было спасение.

– Козлы вонючие, козлы вонючие! – повторяла и повторяла Наталья, пока Маргарита рассказывала ей, как вытаскивала сегодня своего любовника с его партнером из ямы, которую они сами же себе вырыли. – Нет, ну какие козлы вонючие, какие козлы!

У нее стояла в буфете пол-литровая бутылка «Мартини», – Маргарита, рассказывая, опорожнила ту едва не наполовину. Ее развезло, и она стала реветь. Но жалеть себя было стыдно, унижительно, Маргарита пересилила слезы, отправилась в ванную, встала под горячий душ. Голову кружило, стены ванной качались, хотелось, чтобы они качались все сильнее, сильнее, опрокинулись бы на нее и придавили собой. Расплющили в мокрую лепешку. После этого жить сразу же стало бы легко: у расплюснутых лепешек очень легкая и простая жизнь. Она у них легкая и простая, потому что они сами становятся легкими и простыми по форме, а что легко – то и просто, а что просто – то легко...

– Эй! – перекрикивая шум и шорох душа, позвала ее Наталья. Она стояла около ванны, откинув полиэтиленовую занавеску, и трясла Маргариту за руку. – Ты что? Что ты несешь? Какая лепешка?

Маргарита медленно пришла в себя. Оказывается, она несла все это о лепешке вслух! И не просто вслух, а во весь голос, орала во всю Ивановскую – как какой-нибудь громкоговоритель.

– Давай в амазонки, – сказала она Наталье. – Пошли. Я готова. Где они, знаешь? Веди!

– Слушай, ну тебя, вылезай! – Наталья потянулась и закрыла краны – один, потом другой. – У тебя уже бред какой-то начался. Испугала меня.

– Какой бред. – Маргарита покорно позволила ей накинуть на себя полотенце и начать вытирать. – Хочу в амазонки. Ты ведь тоже хотела? Давай пошли. Давай вместе!

– Ой, Ритка, я бы с удовольствием. Но я не знаю, где их искать. Не знаю, где они живут. А так бы обязательно! – промокая ее и растирая, быстро заприговаривала Наталья.

В голосе ее были испуг, дрожание, откровенная ненатуральность тона, – Маргарита поняла, что Наталья думает, она действительно заговаривается.

Маргарита взялась за полотенце, остановила Наталью и спросила, поймав ее взгляд:

– Что делать, Наташка? Что теперь делать?!

Лицо у Натальи, мгновение назад напряженное, словно бы деревянное, ожило, высветлилось, и она изо всей силы, чувствительно, так что Маргарита вскрикнула, врезала ей ладонью по ягодице:

– Заставила меня струхнуть, дура такая! – И добавила через паузу, вновь принимаясь вытирать ее: – Знаю я, что делать? Знала бы я!

7

Зачем она пошла к Белому дому, спроси ее – Маргарита бы не ответила. Наверное, ее потянула туда память о тех трех августовских днях в девяносто первом. Но, вероятней всего, она бы не пошла, если бы не ее безделье. Которое тянулось с того самого дня, как совершила акт спасения своего любовника с его партнером из бывшей советской госбезопасности. Возвращаться работать с ними – это было исключено, напроць, и она весь остаток лета и весь сентябрь болталась без всякого дела, с ужасом видя, как тают деньги, начиная сходить с ума от своей подвешенности, и уже посещала, все чаще сверлила сознание мысль: что, идти в школу?

Но прежде чем пойти за направлением в школу, она пошла к Белому дому. Там, около него, уже несколько дней происходило что-то необычное, собирались толпы с плакатами, жгли костры, устраивая ночные дежурства – точно, как тогда, в девяносто первом, потом стали формироваться какие-то военизированные отряды, а накануне вечером, передало телевидение, была попытка штурма телевидения в Останкино, въехали машиной в окно, стреляли, кого-то убили... Маргарита звала пойти к Белому дому Наталью. Та отказалась. У нее назревал-назревал и, наконец, созрел роман с Вадимом, одним из гостей Атланта и Семена Арсеньевича на том несчастном пикнике, везшем ее обратно в Москву, завтра у Натальи было назначено с ним, как она говорила, пиковое свидание, и она хотела выглядеть и чувствовать себя на все сто. А чего и тебе переться туда, сказала она Маргарите. Чего, в самом деле, подумала Маргарита, слушая по телевизору, как бесшей, постоянно хлюпающий из-за короткой уздечки слюной недавний председатель правительства призывает всех собраться на площади перед зданием Моссовета. К Моссовету ей идти не хотелось. Она пошла утром к Белому дому.

Светловолосую женщину с девочкой лет семи Маргарита заметила, еще только появившись у Белого дома. Вернее, это было не у самого дома, к нему оказалось не пройти, совсем не как в девяносто первом, все оцеплено милицией в бронежилетах, а где-нибудь метрах в четырехстах от него, неподалеку от съезда на мост через Москву-реку, напротив высотного здания трехлистником, в котором сейчас располагалась мэрия. Людей с детьми было

немало – мужчины, женщины, кое-кто даже с младенцами в колясках, – но эта женщина выделялась среди них – похоже, она кого-то искала. Переходила от одной группы к другой, металась глазами, всматривалась в лица.

Цепь милиционеров, когда раздался первый выстрел из танка и из окон одного из верхних этажей Белого дома выметнулось облако взрыва, пошла на толпу, оттесняя ее к Садовому кольцу. Парень лет семнадцати, не желая сдвигаться с места, затеял пререкания, его ударили сразу в несколько дубинок, он упал. Ударили еще одного, еще. Толпа заволновалась, пришла в движение. Кто-то побежал. Началась давка. Женщина с девочкой, уже давно исчезнувшая из поля зрения Маргариты, вдруг оказалась рядом с ней. Она уже не держала девочку за руку, а прижимала ее к себе обеими руками и выставляла локти, чтобы девочку никто не задел.

– Ой, Боже, – приговаривала она, – ой, Боже!

– Зачем вы с ребенком сюда, – осуждающе сказала Маргарита, тоже выставляя локти, принимаясь помогать женщине охранять девочку от толчков вокруг.

– Не с кем было оставить, – проговорила женщина.

– Сидели бы дома, – мудро наставила ее Маргарита.

– Я маму искала, – благодаря голосом Маргариту за помощь, сообщила женщина.

– А что такое с мамой? – поинтересовалась Маргарита, вспоминая свою мать. За эти два месяца, что бездельничала, они перестали разговаривать.

– Ой, у меня такая мама! – как бы вина и сокрушаясь одновременно, воскликнула женщина. – Она ходит сюда их всех кормить. Ей все равно кто – демократы, коммунисты. Ходила в девяносто первом, нынче снова. Куда она делась? С ума схожу, беспокоюсь!

В барабанные перепонки гулко и тяжело ударил новый выстрел, произведенный танком.

Маргарита с женщиной и девочкой уже выбрались из толпы и шли по Садовому в сторону Смоленской площади. Это был уже третий выстрел, и так сильно он ударил в барабанные перепонки – они как раз проходили мимо арки в доме, и звук от него прикатился к ним, не задержанный никаким препятствием.

На стене дома рядом с аркой, прикрытый алюминиево-стеклянным квадратным кожаным, висел таксофон. Маргарита достала из сумочки жетон.

– Может быть, позвоните маме еще раз?

– Ой, да! – схватила у нее жетон женщина.

Маргарита осталась стоять на тротуаре с девочкой.

– Тебя как зовут? – спросила девочка.

Она была довольно непосредственной. Ребенок, растущий среди взрослых и привыкший к ним.

Маргарита назвалась.

– А меня Алисой, – сообщила девочка. – Маму Полиной. Папу Артемом. Папа меня зовет Лисой. Хотя меня еще можно звать Алей.

Да уж не Лиса, это точно, подумалось Маргарите.

– Мама! – закричала от таксофона, глядя на них невидящими глазами, женщина. – Мамочка!..

Она дозвонилась, мать ее была дома.

– А кто у тебя папа? – спросила Маргарита девочку, чтобы поддержать разговор.

– Он демократ, – с серьезным видом произнесла Алиса.

– Кто-кто? – Маргарита не смогла удержаться смешка.

– Демократ, – с прежней серьезностью ответила ей Алиса. – Он сейчас в команде у Ельцина, помогает устанавливать демократию.

– А-а, – протянула Маргарита. Как отреагировать по-другому, она не представляла.

– Да, он сидит в кабинете, который при коммунистах занимал самый страшный человек, – заявила Алиса.

Маргарита хотела погадать, кого могла иметь в виду девочка, мелькнула мысль о Берии, но тут же, юркая и скользкая, как змейка, несколько даже ядовитая, словно змейка была какой-нибудь гадюкой, другая мысль вытеснила мысль о Берии из головы.

– А он очень большой человек, твой папа, да? – спросила она Алису.

– Он в ранге министра, – с осознанием важности отцовской должности ответствовала ей та.

Ого, прошибло Маргариту. Хотя, конечно, девочка спокойно могла что-то путать.

Мать девочки повесила трубку и выступила из-под алюминиево-стеклянного кожуха.

– Дома! – всплеснула она руками. – Приехала в шесть утра с первым транспортом и отключила телефон, чтобы спать. Никогда в жизни не отключала, тут отключила! Только что поднялась, не имела даже понятия, что здесь сейчас происходит.

Еще один выстрел, выкатившись из-под арки, сотряс воздух. Словно лопнула гигантская железная бочка.

– Вот будут знать, как против демократии выступать, – прокомментировала выстрел женщина.

– Полина! – проговорила Маргарита. – Мы вот, пока вы звонили... мы разговаривали с Алисой... а вашему мужу, скажите, не нужно в его министерство толковых работников-гуманитариев? – Она не выдержала и невольно пустила нервный смешок. – А то у меня сейчас такой статус... безработная. Можете рекомендовать вашему мужу?

Полина смотрела на нее с недоумением и интересом.

И интересом, отметила для себя Маргарита.

– У вас высшее образование, я понимаю, есть, да? – спросила Полина после паузы.

– Филфак МГУ.

– Ой, филфак! – В голосе Полины прозвучало чувство сообщничества. – Не романо-германское отделение?

– Русской филологии.

– А у меня романо-германское, – сказала Полина. И тут же поспешно добавила: – Но все равно, факультет один.

– Факультет один, – подтвердила Маргарита.

– А вы каких убеждений? – спросила Полина.

– Демократических, каких еще, – отважно объявила Маргарита.

– Да, конечно, я не сомневалась, демократических, – подхватила Полина. – Конечно, каких еще.

Ей уже были полные тридцать, старше Маргариты лет на семь, не меньше, но Маргариту это ничуть не стесняло. Опыт прошедшего года выбил из нее все подобные комплексы.

– Всегда есть какие-нибудь вакансии, да? – смягчая вопросительной формой свою наглость, проговорила Маргарита. – Очень даже может быть, что эта вакансия ждет именно тебя, но ни ты о ней не знаешь, ни о тебе не знают.

– У вас есть еще жетон? – вместо ответа спросила Полина. Получила от Маргариты пластмассовый кружочек, ступила обратно к таксофону, быстро накрутила номер и, уже ожидая соединения, прикрыв микрофон ладонью, спросила оттуда: – Вас как зовут?

– Маргарита! – выкрикнула Маргарита.

Полина кивнула и отняла от микрофона ладонь:

– Привет! – Помолчала, слушая, что ей отвечают, и следом, глядя от таксофона на Маргариту, произнесла: – Ты просил меня найти тебе образованную, энергичную и демократической ориентации. У тебя еще нет кандидатуры? Я нашла.

Что ей говорили на другом конце провода, понять по ее лицу Маргарита не могла. Но, повесив трубку и выйдя из-под алюминиево-стеклянного кожуха, Полина сказала:

– Можете прямо сейчас подъехать? Снизу позвоните по внутреннему, подождете немного, вам оформят пропуск – и вы пройдете. Это там сейчас быстро все, по-демократически.

– А где «там»? – не смея верить происходящему и вся внутри вопя от радости, спросила Маргарита.

– На Старой площади, где раньше ЦК КПСС был.

Ни хрена себе, лексикой ее бывшего любовника ахнуло все в Маргарите. Алиса, похоже, ничего не выдумала. А если и выдумала, то не слишком далеко отойдя от правды.

– Только я вас попрошу – сказала Полина. Глянула на дочку, внимательно слушающую их, взяла Маргариту под локоть, развернула, чтобы встать к Алисе спиной, и прошептала жарко и торопливо: – Только я вас попрошу, не говорите, где мы и как познакомились. Раньше были знакомы. А то он, узнает, где я была, убьет меня!

8

Не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Эту простенькую народную мудрость с психотерапевтическим привкусом Маргарита повторяла теперь про себя, случалось, по несколько раз за день. Она стала для нее родом жизненного девиза. К Новому году Маргарита уже два с лишним месяца работала в администрации президента, в должности, до которой другие, отдавшие всю свою жизнь государственной службе, всю эту жизнь росли и дорости у них так и не получилось.

Муж Полины и в самом деле оказался большим начальником – председателем специальной комиссии при президенте, действительно в ранге министра, и он взял Полину к себе помощником. Ведущий специалист, называлась ее должность в табели о рангах. Эта должность позволяла ей прикрепиться к специальной – кремлевской – поликлинике на Сивцевом вражке, и не только ей, но и матери как члену семьи; мать тут же воспользовалась этим, побегала по врачам – и легла лечиться, а по сути отдыхать в кремлевскую больницу в Кунцеве.

Кабинет, который занимал муж Полины, принадлежал раньше начальнику специального контроля всей коммунистической партии, можно сказать, главе партийного суда, – так что Алиса была недалеко от истины в его оценке. Этот глава партийного суда в августовские дни девяносто первого, когда Маргарита была у Белого дома, застрелил жену и застрелился сам, – а кабинет его остался. Он был громадный, в шесть окон, с высокими, четырехметровыми потолками, от двойной, с тамбуром входной двери до противоположной стены получалось метров двадцать, а то и больше. На окнах висели наборенные, торжественные белые шторы, в зависимости от того, насколько их приподнять-опустить, кабинет приобретал нахмуренно-сумрачный или светло-веселый вид. Впрочем, особенной светлотой он не отличался, сумрачность была свойственна ему изначально как некое родовое свойство.

Маргарита сидела в приемной. Вернее, там был ее рабочий стол – замечательная конторка со множеством полочек, по которым так удобно было раскладывать свои бумаги, – но сидела она за ним не часто – присаживалась, не сидела. Два эти с лишним месяца она провела в непрерывном движении по зданиям администрации. Они все были соединены переходами, вилля по тем, можно было пройти от Старой площади едва не до Красной. Службы, по которым она ходила, располагались в противоположных концах этого канцелярского города, иногда, выйдя в надежде вернуться через четверть часа, она возвращалась через два часа. Маргарита приводила рабочие апартаменты своего шефа в надлежащий вид. У мужа Полины не было в кабинете необходимой мебели, не было такой мебели и в приемной, и в другой, небольшой комнатке рядом с приемной, служившей прежде кабине-

том заместителю партийного судьи, а теперь являвшейся чем-то вроде места для различных неформальных встреч, тоже все было голо. И не было нормальной пишущей машинки – какая-то заедающая, прыгающая, не пробивающая буквы, – хотя в других кабинетах стояли уже и компьютеры, не было ксерокса, чтобы размножить документы, элементарной вешалки повесить пальто. Все это было растащено после самоубийства партийного судьи, и те, кто работал с мужем Полины до Маргариты, не сумели восстановить утраченное. Сарайный облик помещений комиссии угнетал мужа Полины, и первое, о чем он попросил ее, – попытаться придать этому сараю более или менее пристойный вид. Ждать, разослав письма с просьбами, когда им все предоставят, можно было бы годы, и Маргарита пошла по службам сама. Заводить знакомства, устанавливать контакты, требовать ускорить, убыстрить, потопиться. За два с небольшим месяца появились кресла, диван, журнальный стол для частных бесед, вешалка и даже холодильник для полного комфорта, который она попросила из обыкновенного куража. Принесли ксерокс, хотя и не новый, не скоростной, но вполне исправный, поменяли пишущую машинку, поставили факс и невдолге обещали компьютер.

Но все же, конечно, она и сидела за своей конторкой – отвечая на звонки, выполняя роль секретаря, писала разные бумаги, переходя затем за машинку, чтобы перепечатать; и сегодня был как раз такой день, что сидела, – сегодня было заседание комиссии. Заседания происходили раз в неделю, она непременно образом должна была присутствовать на них, вести протокол, а также нужно было встретить всех членов комиссии, с каждым перемолвиться словом, предложить кому чаю, кому кофе, а до того еще и приготовить их.

– Рита! – позвал ее из кабинета муж Полины.

Впрочем, он теперь был для нее не мужем Полины, а Артемом Григорьевичем Скоробеевым, это Полина сделалась его женой. Хотя и не просто женой. Они так сошлись за то время, что Маргарита работала помощником у ее мужа, – не могли прожить дня, не переговорив хотя бы пару раз по телефону.

– Рита! – снова позвал Скоробеев. Дверь между ними была открыта, и он звал ее так, обычным образом, не по связи. – Ты мне срочно нужна! Где ты там?!

– Иду! – крикнула Маргарита, опуская телефонную трубку. Она разговаривала как раз с Полиной, и та просила ее последить за мужем. Заседание было последним перед Новым годом, и после него предполагалось отметить приближение праздника, – для этого дела весь холодильник у Маргариты был уже забит бутылками и снедью.

– Наконец-то! – сказал Скоробеев, когда она вошла. Он держался с нею по-свойски, как старший товарищ – действительно демократично. Демократия его и вознесла. Прежде он был рядовым научным сотрудником в заурядном НИИ. И вот из научсотров – в министры. – Я горло надсадил, пока тебя дозвался.

Маргарита промолчала. Ей по ее должности положено было молчать.

Срочно она была ему нужна – вычитать гранки его интервью, которое он давал одной из центральных газет. Гранки валялись у него в портфеле, он о них забыл, сейчас раскрыл портфель – и обнаружил.

– Должны будут сегодня звонить, нужно, чтоб ты просмотрела, – озабоченно-страдающе поджимая губы и наклоня голову к плечу, сказал Скоробеев. У него была привычка так поджимать губы и наклонять голову, когда он просил о чем-то невозможном для исполнения.

– Когда? Прямо немедленно? – спросила Маргарита. – Сейчас уже все придут. Я не успею!

– Успеешь, успеешь, – ободряюще проговорил Скоробеев. – Закройся там в комнате и вычитай. Ничего, поболтаются тут, подождут, обойдутся без тебя. Вычитай, это сейчас важнее всего. Чтобы там ничего чужеродного не было! Ты знаешь, что я могу сказать, увидишь, если вдруг что не так.

Это было точно: Маргарита знала наизусть, что он может сказать. Скоробеев обожал давать интервью, давал их направо и налево, единственное условие – чтобы издание было демократической направленности, и говорил всем одно и то же, разве что разными словами, она бы могла уже и сама давать за него интервью. Во всяком случае, вычитывать их Скоробеев ей доверял и после нее больше уже в гранки не заглядывал.

Маргарита пошла в комнату, служившую прежде кабинетом заместителю партийного судьи, и заперлась в ней. Интервью было громадное, наверное, на полстраницы, ей требовалось не меньше получаса, чтобы вычитать его внимательно. Она слышала, как в приемной появился один человек, потом второй, третий, толклись там бесприютно в ожидании начала заседания, не чувствуя себя вправе зайти в высокий кабинет без специального приглашения, она дергалась, пыталась невольно угадать по голосам, кто уже пришел, но бросить свое занятие не могла.

Наконец, Скоробеев вышел из кабинета сам, и гул голосов, доносившийся из приемной, исчез. Маргарита вздохнула облегченно. Однако еще минут через пять к ней постучали. Она затаилась. С одной стороны, то, что она здесь, знал только ее начальник, но странно было бы, чтобы он вызывал ее, не дав закончить работы, с другой же стороны, кто это мог быть, кроме него?

В дверь постучали снова. Решительнее и настойчивее. С чувством права постучать таким образом.

Маргарита не выдержала, вскочила из-за стола, бросилась к двери и открыла ее. На пороге стоял начальник отдела, подчиненного Скоробееву как председателю комиссии. На лице у него было выражение недоуменного возмущения.

– Маргарита Евгеньевна, вас все ждут! Странная ситуация: члены комиссии, уважаемые люди, все, как один, собрались, сидят, а помощник председателя комиссии отсутствует!

Он был уже пенсионного возраста, лыс, по-пожилому грузен, возглавлял отдел еще при коммунистах, и Маргарита воспринимала его как замшелое недоразумение, как чудовищного мастодонта, неизвестно каким образом выжившего и существующего сейчас среди людей.

– Извините, Василий Петрович, – сказала она со всею доступной ей строгостью, – вас что, Артем Григорьевич прислал?

– Именно! – воскликнул начальник отдела.

– А он не сообщил вам, о чем меня попросил?

– Не знаю, о чем он вас попросил, – отвечивал начальник отдела, – но меня он попросил позвать вас!

– Иду, – ответила Маргарита. Ничего иного ей не оставалось.

Метнулась обратно к столу, схватила простыню гранок, подобрала ручку и теперь метнулась к двери.

Стол заседаний в кабинете у Скоробеева был полон. Обычно приходили не все члены комиссии, иногда случалось, чтобы набрался кворум, срочно звонить кому-нибудь, умолять приехать, посылать за ним машину, сегодня пришли все. Понятное дело: последнее заседание в году, предновогоднее застолье, возможность погулять. Ни перед кем, однако, не стояло ни чашки кофе, ни чая, не было на столе минералки, печенья – как обычно, заказать это все в буфете должна бы была она.

– Рита... – с суровой укоризной покачал головой Скоробеев. – Нельзя так долго.

Маргарита положила перед ним недовычитанные гранки.

– Не успела последнюю колонку. И два замечания на полях.

– Как не успела? – В голосе Скоробеева было укоряющее страдание. – Сейчас позвонят! Что я скажу?

– Артем Григорьевич! – За время, что работала со Скоробеевым, Маргарита уже научилась вести себя с ним. – Мне продолжить вычитывать?

Мгновение ее шеф мучительно размышлял.

– Василий Петрович, – нашел он затем взглядом начальника отдела. – Начните протокол вы. Рита должна закончить работу.

Начальника отдела, видела Маргарита, всего передернуло. Ее бы, подумала она, на его месте тоже передернуло. Все же он начальник отдела, пятьдесят человек в подчинении, и заставлять вести протокол его – как можно! Однако протестовать против приказа начальства, каков бы тот ни был, – подобное исключалось, и начальник отдела, жарко побагровев шеей, перегнулся через стол, взял с места, приготовленного Маргаритой для себя, чистые листы бумаги и положил перед собой.

Маргарита вернулась в приемную. Теперь она не стала уходить в другую комнату и села дочитывать гранки за свою конторку.

Телефон зазвонил – она как раз заканчивала чтение. Дочитала последние строчки – и сняла трубку.

Обычно, когда заседала комиссия, Маргарита подходила только к телефону правительственной связи – «вертушке», – сейчас звонил не он, но она ждала звонка из редакции насчет гранок и сняла трубку. Она сняла, полагая, что звонит городской телефон, однако это был телефон местный. Единственно, что она не ошиблась и сняла трубку со звонившего аппарата.

Она осознала свою ошибку, только уже начав говорить. Звонил некий человек от поста снизу. Он уверял, что ее шеф назначил ему на это время встречу, он пришел, но пропуск отсутствует.

– Нет, извините, это исключено – отрезала Маргарита. – У нас сегодня заседание комиссии, Артем Григорьевич никак не мог назначить вам встречу на это время.

Но звонивший, торопясь, захлебываясь в набегающих друг на друга словах, стал убеждать ее, что он ничего не выдумывает, так оно все и есть и, видимо, Артем Григорьевич что-то имел в виду, что-то подразумевал, назначая встречу на время, когда заседает комиссия.

Маргарита заколебалась в своей решимости дать неизвестному полный поворот от ворот. Может быть, действительно, ее шеф специально назначил встречу на это время. Может быть, намеревался ввести нового человека в состав комиссии и хотел, чтобы он наглядно увидел, что представляет из себя работа в ней.

– Подождите у телефона, – сказала она.

Начальник отдела, увидев Маргариту, с облегчением оторвался от стопы бумаги перед собой и приготовился передать ее Маргарите. Она, встретившись с ним взглядом, на ходу отрицательно помотала головой и прошла к Скоробееву, сидевшему во главе стола. Дождалась паузы в его речи, положила перед ним бумажную простыню с гранками интервью, указала на свои замечания, вынесенные на поля, и быстро, в несколько слов сообщила о звонке. Скоробеев с недоуменным неудовольствием посмотрел на нее – какие еще посетители сейчас, прочла Маргарита в его взгляде, – и затем лицо его исказила гримаса воспоминания.

– Ах ты, Боже мой, знаю, кто это. Пришел! А зачем ты трубку сняла? – суровым голосом, спросил он тут же. – Ты не должна была снимать!

– Не должна была, – повинилась Маргарита. Что-то странное, двусмысленное почудилось ей во всем том, что говорил Скоробеев, но осознать это не было времени. – Так получилось.

– Вот раз получилось, – наставительно сказал Скоробеев, – сходи к нему вниз и извинись от моего имени. Скажи, что сейчас комиссия, я забыл... в общем, не поскупись на слова, утешь.

– Он на телефоне, – сказала Маргарита. – Ждет.

– Нет-нет, спустись, именно спустись. Пришел – и неудачно, и отказать по телефону... нехорошо! Недемократично!

– Спускаюсь, – приняла к исполнению приказание Скоробеева Маргарита.

Ей это все было не трудно. Вниз так вниз. На лифте шесть этажей. Что за труд. Она бросила в трубку, чтобы человек подождал ее, и спустя минуту уже была на первом этаже, шла от лифта к посту около стеклянных дверей – солдат в форме и лейтенант из спецслужб в гражданском.

За дверями, в тамбуре стоял, мял в руках шапку лысоватый субъект в пластмассовых очках, лет сорока, сорока пяти, а может быть, и пятидесяти, – Маргарите плохо давалось определение возраста после сорока. Лицо у него было совершенно непримечательное, заурядное, невыразительное лицо, и однако Маргарита его узнала. Она запомнила это лицо на всю жизнь. Это был тот самый зампред из райсовета, которому она должна была дать взятку и не дала. На мгновение, когда проходила мимо поста, показывая свой пропуск, ее охватило тем же чувством робости, что тогда у него на приеме, но она тут же и справилась с этим чувством. Что ей было робеть, да он даже и не помнил ее.

– Артем Григорьевич посылает вам самые свои искренние извинения... – застрекотала она, выходя в тамбур.

– Да? Очень жалко. Как же так... – забормотал зампред, выслушав ее. Невыразительное его лицо, разглядела теперь Маргарита, имело выражение потерянности, оно было словно бы *рассыпанное*. – Неужели же никак у него не получается встретиться? – спросил он затем.

– Никак, к сожалению, – улыбнулась сочувственно ему Маргарита.

– Телефон тогда, дайте, пожалуйста, телефон, – попросил зампред.

– Пожалуйста. – Маргарита продиктовала ему номер городского телефона, трубку у которого снимала всегда она.

– Нет, домашний, – сказал зампред. – У меня раньше был, мы вместе в институте работали, а сейчас он переехал...

Скоробеев, действительно, совсем недавно, только-только, вот уже при Маргарите, переехал в новую, пятикомнатную квартиру, но давать домашний телефон без его согласия Маргарита не могла никак.

Странно, что у него такое случилось, думала она о зампреде, поднимаясь в лифте на свой этаж.

Онако же, только поднялась, зашла к себе, думать об этом ей стало некогда. Трезвонил городской телефон, – и это теперь оказались из газеты, продиктовала им исправления, сделанные Скоробеевым по ее замечаниям, положила трубку, села, наконец, на свое место за столом заседаний, переняла у начальника отдела протокол – и два часа просидела не поднимая головы.

После чего настало время застолья.

Члены комиссии все до одного были мужчины, она одна женщина, и на нее пала вся подготовка стола: и резать, и раскладывать, и подавать. А там, уже за столом, пришлось принять на себя как единственной женщине и все мужское внимание. Разговор шел, в основном, политический – о ликвидации Советов, о только что прошедших первых выборах в Думу, о раскладе сил в ней, формировании фракций, – но всякий раз, завершив некий круг, возвращался к ее персоне.

– А давайте выпьем еще раз за нашу Маргариту, – поднимал стакан с плещущей на дне водкой доктор юридических наук, профессор, директор научно-исследовательского института. – Я бы сказал «королеву Марго», если бы Риточка не была столь юна и прелестна, напоминая всем своим обликом принцессу. Но у этой принцессы такая рабочая хватка, такие организаторские способности!..

– Да, это уж точно, – подхватывал слова юриста писатель – известнейший, знаменитый, редкая культурная программа по телевидению обходилась без его участия. – Ты, Артем, за Ритой, как за каменной стеной. Смотри, что она из твоих развалин за два месяца сделала. Настоящий современный офис! Прошлые твои помощницы – ни в какое сравнение с ней.

– Это вам, Артем Григорьевич, Бог Риту послал. Истинно Бог, – обласкивая Маргариту светящимся приязнью, благожелательным, солнечно-ликующим взглядом, говорил отец Владимир. – Дай вам Бог, Риточка, счастья!

Маргарита знала и его, слышала о нем, еще учась в университете. К отцу Владимиру все вокруг бегали советоваться, разговаривать о жизни и говорили: если у кого креститься, то у него. Комиссия вообще сплошь состояла из людей известных. Если писатели – то вот такие, которых все время по телевизору; юристы – доктора наук, директора, члены всяких других комиссий; экономисты – мировые знаменитости.

Скоробееву, видела Маргарита, были приятны похвалы в ее адрес.

– Ну, а что же! – отзывался он на слова членов комиссии. – Пришла, познакомились, я сразу увидел: наша девушка! Тут же и распоряжение: оформлять представление, зачислять в штат. Три дня – и все! Чего тянуть, что мы, в прежние времена? Мы без всякой бюрократии, по-демократически. Для того и брали власть.

Он тянулся к бутылке долить себе в стакан водки, Маргарита, помня свое обещание Полине, останавливала его:

– Артем Григорьич! Артем Григорьич!..

Скоробеев послушно подчинялся ей:

– Правильно, Рита, правильно. Останавливай. Не позволяй.

Сама Маргарита пила шампанское и позволяла его себе основательно больше, чем следовало бы. Но это в ней играло счастье. Она чувствовала себя на месте. Ей было хорошо с этими людьми, это был ее круг. В голове у нее, не без иронии по отношению к самой себе, промелькнула мысль: наверное, у них у всех чистые уши. Собственно, эта была даже не мысль, а как бы некая твердая уверенность, и она осознанно перевела свое ощущение в мысль, чтобы лишить патетики.

Единственное, что ее не устраивало в них, – это то, что все они были стариками. Не в полном, конечно, смысле, но много старше, чем ей бы хотелось. Ощутимо старше. Если бы помоложе – было бы совсем замечательно. Как, интересно, Полина вышла за старика? Хотя, если посчитать, тогда, лет восемь-девять назад, Скоробееву было всего тридцать шесть, тридцать семь. Правда, в любом случае у них с Полиной получалось пятнадцать лет разницы, пятнадцать лет – это, Маргарите казалось, целая пропасть. Да и тридцать шесть, тридцать семь – тоже порядочно, не скажешь, что молодой. Маргарите нравились сверстники. Чуть старше, чуть младше – вот как Атлант. Своего, в общем, возраста. Здесь, в этой компании, она не могла бы отозваться ни на чьи ухаживания. К сожалению.

Домой она ехала на машине. После заседания членов комиссии, чтобы им не толкаться в транспорте, развозили обычно на разгонных «Волгах» – троих-четверых в одном направлении, – и Маргарите обычно тоже доставалось место.

Ехать на служебной машине, ехать по праву – о, это, оказывается, было совсем не то, что на такси или даже в машине любовника. Маргарита познала прелесть езды, когда тебя везут не за деньги и не простым пассажиром, а потому что это так положено по твоему статусу. Неслись, мелькали за окнами вечерние огни, мигали светофоры, гнулись под метельным декабрьским ветром прохожие на тротуаре, а ты сидела в тепле, в комфорте, ревел для тебя невидимый двигатель, спрятанный в подкапотной тьме, и жизнь ощущалась брошенной к твоим ногам, раскатанной перед тобой подобно цветной ковровой дорожке – попирай ее и иди.

Нехорошее было чувство, стыдное, Маргарита стеснялась его в себе, прогоняла от себя, но все же оно каждый раз посещало ее. А сегодня, многократно усиленное шампанским, так и кружило голову. И она даже не могла с ним бороться.

9

Человек звонил, спрашивал Скоробеева уже раз пятый или шестой. Маргарита, отвечая ему, что Артема Григорьевича сейчас нет и сегодня не будет, попробуйте позвонить завтра или послезавтра, испытывала уже такую неловкость, – хоть объяви человеку все как есть. Она и не предполагала, что это так трудно – врать про своего начальника. Врать приходилось всем вокруг: и когда звонили из правительства, и кто-то из руководителей президентской администрации, и всяких других мест – но этому человеку, чей голос она теперь узнавала с первых слов, врать было особенно трудно. Чувствовалось, что дело, по которому он звонит, не просто важно для него, а чуть ли не сама судьба, Скоробеев нужен ему, как последняя соломинка утопающему.

– Что мне записать для передачи Артему Григорьевичу? – отовравшись по полной программе, спросила Маргарита под конец – как спрашивала обычно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.